

§ 63. Суффикс -ča

Глагольное имя на -ča выражает либо завершенность действия, либо его конкретный результат. Примеры этой формы существуют еще во всех четырех языковых группах.

1. *Тюркский.* Конечное -ča, -čā дало в позиции после гласного -š, а в позиции после согласного — соединительный гласный + š, однако после -п- сохранился еще древний -č-; в чувашском его, как правило, заменяет -š: тюркск. alyš „взятие, взятое“, bāriš „дар, даяние“; чув. paḡš (то же), aḡš „запад“; тюркск. āniš „закат, спуск“ (чув. aḡ-, тюркск. ān- „спускаться“ < ā-n-, ср. тунг. e-wū- — то же); чув. χiḡš „против“ < qaḡi-č, монг. qaḡi-ča „поворачивание, возвращение“, уйг. sāwīnč „радость“; тат. sūjūnč и (по аналогии) sūjūnš, чув. savānš < sāwīn-, тат. sūjūn-, чув. savān- „радоваться“; др.-тюркск. unč „возможность“ (< u- „мочь“); др.-тюркск. erinč „действительность, действительный“ < er- „быть“. В некоторых турецких диалектах адвербиальный падеж на -un, образованный от этого имени, употребляется самостоятельно в функции деепричастия времени, см. J. Deny, „Le Géronde en-(y)išin“ (в Körösi Csoma Archivum, III B, 1941, стр. 119—128); например, olūm-de gelišin melaik olur „et lorsque vient la mort, il devient un ange“. Засвидетельствована также и отрицательная форма -mejšin.

Это имя на -š, -uš, -iš еще и поныне употребительно во всех тюркских языках, но в южно-тюркск. и вост.-тюркск. нормализовался вариант для основ на согласный: -uš ~ -iš, который в свою очередь вызвал к жизни вариант для основ на гласный — -juš, -jiš, -juš, -jiš: тур. oqu-juš „чтение“, ara-juš „поиски“ и т. д. В некоторых словах, рано отошедших от парадигмы спряжения, осталась форма на -č: уйг. awič „рука“, тур. aič, aiž, тат. ič, койб. oš, чув. uš, iḡš < ab-uč, монг. abu-ča „взятое (в горсть), столько, сколько возможно взять (пригоршня)“, abu- „брать“; маньч. afaŋži-, монг. abuldu- „взаимно братья“ (монг.Т. abaldu-), „бороться“; тюркск., тел., тат. artyž, тур. arduž „мужжевательник“; монг. arča (то же) (> чаг. ar-ča, казах. arča — то же) < монг. arčiča < *artiča „чистка“ < тюркск. aryt- „чистить“ (ср. тюркск. aruу „чистый“); тюркск. quluč „меч“, чув. χḡš (> *χḡš) — то же, ср. монг. kila-gu „клинок, ножны“, халх. χalū (то же); чаг. basič „гнет“ < bas- „давить“.

Встречаются также производные, образованные при помощи различных суффиксов: -čaq: salynčaq „качели“ (< salyn- „качать“, коман. salyalu-, монг. salga-, salgala- — то же); тюркск. emčäk „сосок“ (em- „сосать“), тат. basynčaq „дарить“; -čyq: тат. maqtančyq „хвастун“ (maqtan- „хвалиться“); уйг. шаq „похвала“, тел., алт. qorqunčaq, коман. qorqunču, казах. qorqunšu, „боязливый“; -č-si: ср.-тюркск. qorqunč-suу „боязливый“.

2. *Монгольский.* Здесь окончанием является -ča: abuča „пригоршня, понюшка (щепотка)“, oḡiče, oḡče „доза“, adzu-ča „понюшка (щепотка)“ (тув. aždya, карагас. adyž, adyč, якут. utys „пригоршня“, но ср.-тюркск. adut — то же, jabu-ča „ходьба, походка, пройден-

ное“, talbi-ča „полка, подстилка“ < talbi- „положить“, bariča „дар, залог, содержимое“ < bari- „держат в руке“, piḡu-ča „спрятанный“, бурят. piḡsa < piḡu- „прятать“, бурят. piḡ- и т. д.

Помимо употребления в качестве обычного отглагольного имени, у имени на -ča- в бурятском языке появляется еще особая функция: в некоторых диалектах -sa (< -ča) равнозначно употребляющемуся в других наречиях -tala ~ -tara (§ 60); hōni bolso irekti „приходите до наступления ночи!“ (< монг. sōni bolča „настала ночь“). Применяемый наряду с -sa формант -sara, -sar развился аналогично -tara и равнозначен тунгусскому -ča-lā-: χurse, χurser, χurserе „до достижения, как только (едва) достигнет“, bolso, bolsor, bolsoro „до того как станет, пока не сделается“, baisa, baisar, baisara „будучи, как только станет, пока не стал“.

В тунгусских диалектах существует деепричастное окончание -čalā „делая, сделавши“: негид. tegečalān „усевшись (после того, как он уселся)“, otijgičalaj (< eḡe-eggi-če-le-wi), gunen (< ḡin-ḡe-n < ḡin-ḡe-n) „закончив это, он сказал“.

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке -čā, -čā (*-ca ~ -cā) является суффиксом причастия прошедшего времени, которое употребляется как самостоятельное слово или в атрибутивной роли, а также может выполнять роль сказуемого: āmčā „пришедший“, āmčā-w „я пришел“, ām-čās „ты пришел“, āmčā-n „он пришел“, āmčā-wun, ām-čāt „мы пришли“, āmčā-sun, āmčā-hun „вы пришли“, āmčā-tin „они пришли“ и āmčāl „пришедшие, прибывшие“ (Кастрэн, тунг., § 87, 2,4). Будучи образовано от активных глаголов, это причастие довольно часто используется в страдательной форме (-wu-ča > -pča). В языке сказок встречаются также уменьшительные образования на -čākān, мн. ч. -čākār: genečākān geneḡen „он все шел да шел“, мн. ч. -kār geneḡe „они шли да шли“. Окончание -pča (žawarčā, žawawčā „взятый“, ičerčā „виденный“), являясь продуктивным лексическим элементом, продолжало осложняться и стало употребляться также в наречных оборотах (būliwsi-pče „грустно настроенный“), при этом в устной речи появились его варианты — -pči, -pči (ḡeripči „горький“). Относительно многостороннего использования этой формы причастия в качестве прошедшего времени изъявительного наклонения мы ничего особого сказать не можем.

От вторичной глагольной основы на -tu- со значением волеизъявления (см. § 89,г) с помощью данного суффикса образовалась форма сослагательно-желательного наклонения с окончанием -mča, которая восходит, как особая форма, непосредственно к первичному глаголу (Кастрэн, тунг., § 78,3): апамча-w „я бы толкнул“, апамча-s, апам-ča, апамча-wun, апамча-sun, апамча и т. п.

Фонетический состав и значение причастия прошедшего времени, так же как и желательного наклонения, в различных диалектах тунгусского языка не отходят от принятых правил; в солонском, таким образом, мы имеем -š- взамен интервокального -č-: bišaw, bišew „я был“, bišes, bišis „ты был (ты есть бывший)“, biše „он был (он есть бывший)“ и т. д.

В маньчжурском и гольдском языках, которым искони свойственна краткость гласных в окончаниях, -*ča* и -*čä* (-*če*) путем сокращения или редукции гласного дало -*či* (фонетически следует сравнить исходный падеж: монг. -*ča* = маньч. -*či*, см. выше, § 15): гольд. *bolaci* „было“, *bolaci* „прочитал, читал“ (но в изолированном виде е и маньч. *iče* „новый“ > гольд. *iče* „январь“ < *i*-, тунг. *i*- „входит ср. тунг. *ičē* „супруг дочери, живущий в доме своего тестя; вошедший“). Однако это имя на исконное -*ča* уже не воспринимает в маньчжурском языке как прошедшее время — оно взяло на себя функцию условного наклонения. Путем слитного написания с маньч. -*be* (= монг. *ba* „и, тоже“, монг. *bol*, тунг. *šel*, *wel* „даже“) „тоже“, маньч. произвел свою уступительную форму (концессив) -*čibe*: *očibe* „если так и станет даже“ (*be* < *ba*, как в винительном падеже, см. выше, § 8,3). Впрочем, это не единственный случай, когда язык выражает значение условности временной формой, указывающей на нечто предшествующее во времени, ср. маньч. *jabu sajn* „пошедшие — (есть, было бы) хорошо“ > „было бы хорошо если б пошли“; монг. *jabugsan sajin* (то же) и монг. *jabuba* (< *jabuba ele*) *sajin*, букв. „пошел ведь — есть хорошо“. Логически этому „в случае, если бы“ тождественно „предполагается, что“.

4. *Корейский*. Образование на -*ča* в корейском языке несет двойную функцию: во-первых, оно является деепричастием, выражающим действие со значением „как только, тотчас же, как только, во-вторых, оно применяется для выражения призыва, приглашения к действию, как когортатив (1 л. мн. ч. или ед. ч. повелит. накл.). В обоих случаях это образование является общеупотребительным и имеет, по существу, одно и то же значение. Примеры: кор. *pağaža* (< *pa ka-ča*) *ahādiri tara gatta* „как только я вышел, дети убежали“, *jagil nekča tho hajetta* „как только я принял лекарство, меня вырвало“ < букв. „лекарство съевший, рвать сделал я“ *hamkkij kaža* (сев.-кор. *kažā*, *kažān* „давайте пойдём вместе!“), *rabu nekča* „поедим-ка!“ букв. „рис съеденный (съевшие)!“, *aga roža* „давайте-ка разберемся в этом!“, букв. „знаючи — посмотренный (посмотревший)!“.

Окончание -*ča* развилось, вероятно, из *-*č*, имеющего значение перфекта, и -*ā*, являющегося частицей звательного падежа или конечным гласным; корейский язык унаследовал это окончание из древнего языка, но суффикс *-*č* (> *-*č̄*-) следует сопоставить с тунг. **ča* ~ *če*.

§ 64. Суффикс -*ksa* (монг. -*g-san*)

В монгольском и тунгусском языках этот суффикс следует рассматривать как древний. Он встречается в качестве форманта причастия прошедшего времени в монг. -*g-san*, тунг. -*ksa*. В различных диалектах тунгусского языка -*ksa* фонетически развилось в -*kša*, -*hsa*, -*sa*, -*ša*, -*ha*: тунг. Вост. *tetikse emereŋ* „он пришел одетый“, тунг. К. *tätiksäl ämdä* „они пришли одетые“, диалектное *tätihšäl*,

tätihäl; ед. ч. *tugi kekše* „так сделано, сообразно с этим, так“, мн. ч. *tugi kekšel* или *kehel* (то же); тунг. Б. *tälä neŋekše wawča* „туда ушедший, он был убит“, *tälä geŋekšel wawčal* (*wawčatin*) „туда ушедшие, они были убиты“. В солонском языке -*ksa* перешло через -*ktsa* в -*tša* и -*tša*; в то же время рассматривавшийся выше суффикс -*ča* проявился как -*sa*. В некоторых тунгусских диалектах вместо *-*ksa* встречается либо только -*k*, либо -*ksak*, -*ksaki* (мн. ч. -*ksakil*, -*ksakil*). Вариант -*ksakan* осложнен уменьшительным суффиксом -*kan*. В монгольском языке этому тунгусскому причастию соответствует перфектная форма имени (*Nomen perfecti*) на -*gsan*¹²³, основой которого, таким образом, стала основа на -*n*. Отдельные примеры встречаются и в тюркском: тат. *ülüksä* (< *ölüksä*) „труп“. Алт. же и тел. *paraqsan*, шор. *paraqsun* „нищий“ являются заимствованиями от монг. *bara-gsan* < *bara-* „приводить к концу, расточать“ (> якут. *barā-*), сближающегося с тюркск. *bar-* „проходить путь, идти“. В качестве заимствования находим мы -*gsan* и в киргизском языке (Юдахин, 274) *kögmöksön* „не видящий, представляющийся невидящим“.

В современном монгольском языке это окончание звучит как (-*ksan* > -*χsan*) -*san*, в бурят. -*han*; произношение -*gsan* (-*ksan*) сохраняется только в архаизированном языке былин и священных изречений. Форма инструментального падежа этого имени употребляется во всех диалектах как деепричастие со значением отправного момента действия (абтемпоральное деепричастие):¹²⁴ *jabu-gsa-gar*, халх. *jawsār*, бурят. *jubuhār* „пошедши, с тех пор (или после того) как (он, некто, я) пошел, с уходом“; бурят. *jabu-jabuhār* „когда он шел и шел“ (не редупликация, а < *jabun jabuhār*?).

Сюда же может быть отнесен и „Perfekt-Gerundium“ на -*sa* в чувашском языке: *pulza* „ставши, будучи“, *ilze* „взявши“ (< *il-* „брать“, якут. *yl-*, тюркск. *al-* — то же; маньч. *ai-* „принимать, брать“) и т. д. (см. Ашмарин, стр. 296). Этот герундий в сочетании с вспомогательным глаголом *tur-* „стоять, быть“ дал формы изъявительного наклонения: *pulzattäm* „я был“ < *bolsa turdym* (см. Ашмарин, стр. 292). Это образование, еще сохранившееся в чувашском языке как продуктивное, засвидетельствовано также в др.-тюркском, хотя примеры его весьма немногочисленны. В Орхонских надписях читаем (II, стр. 9): *uluŋ oylum aŋur joq bolča quŋ säŋünüg balbal tikä birtim* „mon fils aîné étant mort de maladie, je lui donnais Hou, le Sängün, comme „Balbal“ (bolča взамен bolsa, как и bolčun взамен bolsun).

Однако для тюркского условного наклонения (тюркск. -*sa*, др.-тюркск. -*saŋ*, чув. -*sa*) следует найти иное объяснение. Здесь необходимо принять во внимание древний глагол **se-*, хотя современному тюркскому он уже не известен (см. § 90). Этот вспомогательный глагол означает „говорить, полагать, желать, делать“, и его причастная форма на -*g* представляла собой, естественно, *-*ser* (> -*saŋ* ~ -*ser*): *bol-saŋ* „в случае, если является“ мог первоначально быть чем-то вроде „стать полагающий“: *ölsär* „если умрет“ < „умирание

полагающий" и т. п. Это -sar было окончанием условного накло-
нения в др.-тюркск. и уйг., а в якутском языке является им еще
и поныне¹²⁵. Во всех других тюркских языках в качестве окончания
условного наклона выступает теперь -sa без -г. В др.-тюркск.
подлежащее условного предложения стоит в именительном падеже,
но уже в уйг., а затем в ср.-тюркск. и в н.-тюркск. условное на-
клонение требует родительного падежа: др.-тюркск. anda barsaŋ
öltäci-sän „в случае, если туда пойдешь — будешь ты смерти“;
букв. „там идти-желающий — умирающий (умереть долженствую-
щий) есть ты“; уйг. kälsär sän „в случае, если ты придешь“, tar-
sar män „если я найду“, idnuŋ ölsär idsär „в случае, если бы
околеет или заболит“, букв. „в случае околевания или заболевания
быка“; койб., карагас. satsam „если я продам“, satsaŋ „если ты
продашь“, satsa „если он продаст“. Формы условного наклона
в современном языке снабжены притяжательными суффиксами¹²⁶,
а не личными местоимениями, как это было в более древнем языке
(sat-sar män); satsam „если я продам“ представляет собой, собственно
говоря, „моя продажа, мое наличие проданности (чего-либо)“ (см.
„Zum türk. Kond.“).

Однако весь вопрос в целом еще нуждается в более тщатель-
ном исследовании, и достоверным можно считать только герундив-
ное образование на -sa, др.-тюркск. -sa (> -ča) в bolča, благодаря
присутствию этого же образования в чувашском языке.

В корейском языке подобные суффиксы не засвидетельствованы
(можно было бы предположить *-ksa > *-kk? -k?).

§ 65. Суффикс *-ba ~ *-bi

Все рассматриваемые здесь языки, за исключением корейского,
имеют образование прошедшего совершенного времени с суффиксом
*-ba ~ *-bi.

1. *Тюркский.* В тюркском герундивная форма совершенного вида
(Perfekt-Gerundium) на -р (-ур, -ур) является одной из наиболее
употребительных. От нее нам известен в др.-тюркск. и уйг. вариант
на -руп, -рап (-урап, -урап), который, вероятно, представляет собой
окончание инструктивного падежа; н.-тюркск. вариант -рупаŋ (койб.,
карагас.) должен быть возведен либо к слову бураŋ „с, посредством“
(< bilän < birlä) в сочетании с окончанием -р, либо к форме исход-
ного падежа *-руп-даŋ.

2. *Монгольский.* В монгольском языке -bai, -bei, -ba, -be является
окончанием прошедшего совершенного времени — глагольной формы,
которая употребляется только в изъявительном наклонении. Конеч-
нос -ai, -ei представляет собой обычное удлинение гласного в конце
предложения. В дагурском диалекте значение этого суффикса на-
столько изменилось, что образованная с ним глагольная форма выра-
жает также и настоящее совершенное время¹²⁷. Это явление, воз-
можно, должно быть объяснено более поздним тунгусским слово-

употреблением и прежде всего — влиянием солонского языка: medewe i
„знал = знает“, igwei „дал = дает“.

К этому первичному образованию на -b, тюркск. -р, я склонен
возвести также и ту монгольскую глагольную форму, которая в
разговорном языке имеет окончание -ū-ža, -ū-žai, -ū-žā, а в кал-
мыкском -wzā и выражает действие со значением некоего Dubi-
tativus abhorrens, т. е. опасения за то, что произойдет, или уже
произошло что-либо нежелательное: калм. bolwzā „чтобы это не
случилось, я боюсь, как бы этого не было“, iwzā „как бы он не
стал пить, чтобы он не выпил“, igüzā „как бы он не стал прихо-
дить“ или „не пришел бы“ и т. п. Обычное написание этой формы —
-gužei, -gužai; ее фонетический состав восходит к некоему *-ba-ža,
*-wa-ža, в котором, вероятно, можно усмотреть не что иное, как
прошедшее совершенное время на -ba вместе с энклитически при-
соединенной частицей -ža, -že „же, все-таки“.

Снабженное частицей -la или соединенное со словом asu „(это)
было бы, (это) могло бы быть“, прошедшее совершенное время дает
образования на -ba-la и -ba-su (< -ba asu), применение которых в каче-
стве условных форм глагола обычно для монгольского языка: jabu-ba-
su, jabu'asu „если идут, если бы пошли“, bol-basu, bolu'asu „если бы
(это) было, если (это) есть“, ükü-besü, ükü'esü „если умирают, если
бы пришлось умереть“; калм. ükäsü (то же); bügesü, монгНТ. bü'esü
„если есть (будет)“; могол. -fa, -fu „в случае если, если“ (< a-ba
„это было, если было, если будет“); бурят., халх. jawawal (jawal)
„в случае, если пойдут или пошли бы“, igewel „в случае, если бы
пришли“; бурят. bolbolo > bolbol > bol, халх. bolwol > wol „в слу-
чае если, если, что касается...“

При помощи же энклитически присоединенного монгл. ši, халх.,
вост.-монг. -tši, -tš'igs, бурят. -ši, -šigi „и даже“ возникла форма
уступительного наклона (Konzessiv); irebeši халх. igəw'tši „даже
если и придут (они), хотя бы (он) и пришел“.

3. *Тунгусский.* Наличие этого образования мы считаем вполне
доказанным в языках южнотунгусской группы (журч., маньч., гольд.,
ольч.), так как в них герундий, точно соответствующий тюркскому
перфектному герундию, имеет конечный слог на -ri, где -i мог
первоначально относиться к окончанию, но в такой же степени мог
представлять собой и -i инструктивного падежа. В гольдском языке
окончание -ri (ед. ч.), имеющее во мн. ч. форму -pergi, может со-
держать в себе также возвратное местоимение -wi, -wergі и, таким
образом, реконструироваться как *-p-wi, *-p-wergі, маньч. bifi, гольд.
birі „побывав“ [нем. (nach dem) gewesen (seiend)]; маньч. ofi, гольд.,
ольч. ori „став“ [нем. (nach dem)] geworden (seiend)]; гольд. birpergi
„побывав сами“, гольд. pulsipri; pulsipergі „пошедши (после того
как я, ты, он, кто-либо пошел; как мы, вы, они, все пошли)“,
epulupri „став больным, заболел“ (ед. ч.), epulupergі (мн. ч.) — то же.

В северотунгусском следует отметить отглагольное имя на
*-b-kā > -w-kā, т. е. адъективное образование на -ka от некой формы

на -b: тунг. *ṣawkā* „знаток, знающий“, *biwkē* „жизнь, живущий“ (*taṣ-* „считать“), *taṣiw-kā* „(высчитанный) счет“. В значении эти имени ничто не опровергает предположения о том, что эта исходная форма на -b является формой прошедшего совершенного времени на -b, -p. Сюда же относится и настоящее-прошедшее дательное (*Nomem usus*) на -w-ki, мн. ч. -w-kil, ср. паречное образование на -b в монгольском языке, осложненное -ki- („делать“?), например *alab-ki-* „на (вспрыгивать)“, *ikū-b-ki* „вперед (прыгать)“, *ogūb* „движение, как бы для даяния (сделать)“. К ним можно отнести и еще некоторые имена на -b, например: *tölüb* „форма, образ, вид“, *tösüb* „план, запланированное, умысел“.

4. *Корейский*. Сохранил ли корейский язык перфект на -b? Имеются ли в языке какие-либо свидетельства его существования? Остается невыясненным. Может быть, им является, например, *t'i pada* = *t'ē-pada* (см. Underwood, 574, „to split“), где *t'i-* обозначает „расщепить, расколоть“, а *-ṣi-* (< **di-*) „становиться“. Пожалуй можно, также предполагать его в уступительном деепричастии (и в „концессиве“) на *-o-toi ~ *-u-tui (см. Kor. Gr., § 197), считая, что оно возникло из -w- (отглагольный суффикс) и *tai, toi* (*tai* „место, площадь“).

§ 66. Суффиксы: тюркск. -γ = монг. -ga,
 тюркск. -γ = монг. -gu,
 тюркск. -q = монг. -g

Мы говорим об этих различных суффиксах одновременно и потому, что их вряд ли можно отделять друг от друга. С точки зрения тюркских языков можно установить фонетическое различие между суффиксом -γ и суффиксами -q, -uq, причем тот же тюркский суффикс -γ с точки зрения монгольского языка имеет иное происхождение и значение, поскольку он соответствует частично монгольскому -ga, частично же — монгольскому -gu.

а) Тюркск. -γ, монг. -ga (-uga, -ija), -gan (-ugan, -ijan), в разговорной речи -ā, -ān; в тюркском это образование носит инфинитивный характер, в монгольском чаще всего обозначает результат действия. Фонетически древнее -уу, -γ в зап.-тюркск. представлено через -ū, в чув. — через -u, -w или „ноль звука“, в якут. через -ū, -ī, -ū. В южно-тюркск. этот -γ в конце слова исчез, а в зап.-тюркск. где -γ в исходе стал глухим, встречается либо -k, -q, либо „ноль звука“. В монг. наблюдается обычный ход фонетического развития т. е. стяжение обоих слогов в один долгий. Например: тюркск. *art-* „нагружать“, *artu* „понагрузить, груз“; монг. *ači-* (< *art* от *agi* „спина“) „грузить“, *ačijan*, калм. *atsān*, тат. *artū* „груз, погрузка“; якут. *uḡurt-*, *ūr-* „нагружать, навьючивать“, *uḡurtū* „навьючивание, нагрузка, груз“ (< *uḡurt-čaq* „вьючное седло“; монг. *iḡgir-čag* — то же, чув. *jəper* „седло“); тюркск. *taṣ-* „быть сладким“, *tatu* „сладость“, *tatuḡlu* „сладкий“, *tatuḡluq* „сладость, сладостность“; тат. *tatly*, чув. *tutlā* „сладкий“; монг. *tači-ja-* „вкус-

шать, наслаждаться“, *tačijal* „наслаждение“; уйг. *jata-* „штопать“, *jataḡ* „заплата (?), починка“, *jataḡlu* „заплатанный“; тат. *jamauly*, казах. *žamauly* (то же); монг. *žama-* „чинить“, *žamaga-tai*, калм. *zama-lā* „починенный, заплатанный“; монг. *žamā* „заплата“, тунг. *namāda-*, *namāsi-*, *nemēsi-* „исправлять“; ср.-тюркск., уйг. *tu-γ* „запирание, запор“, *tuḡ-la-* „запирать, замыкать, запирать на засов“; койб. (с метатезой) *tuḡga-* (то же), *tu-j-uq* „засов, запруда, запруженный“; тюркск. *bas-* „теснить, жать, нападать“, уйг. *basy* „ночное нападение“, *basyḡma* „нападая, нападающий“, *ba-syḡlu* „напасть“ (существительное); якут. *basyi-* „побеждать, нападать“, *basyjū* „победа“ (< *basy*), „нападение, набег“; монг. *basu-* „подавлять, презирать“, тюркск., монг., гольд., маньч. *basu* „следующий, еще, тоже, другое“ (< *bas-* „теснить, напирать, следовать“); монг. *ula-* в слове *ulagi-* „сменяться“ (о временах года), *ulam* „дальше, больше и больше“, коман. *ulam* „через, посредством“, монг. *ulaga*, калм. *ulā* „почтовые (лошади), почтовая станция“, тюркск. *ulaḡ* „курьерская лошадь, курьерская служба“ [< тюркск. *ula-* „продолжать (вести), объединять“], тур. *ulap-* „примыкать“ [монг. > тибет. 'u-lag „почтовые (лошади)“; хинд., перс. *ulag* является, следовательно, широко распространенным словом культурного обихода]; *ba-* „связывать“, *baḡ* „завязка“, монг. *baḡla-* „завязывать“, **baḡlaḡ* „завязывание“, **baḡlaḡlu*, казах. *baulauly* „завязанный“, ср. калм. *baḡlātā* „завязанный“, кор. *pa* „веревка“, *pa-i-* „связывать“; монг., тюркск. *qoḡ-* „запрещать, обуздывать“, уйг. *qoḡu*, *qoḡuḡ* „круг табу“, монг. *qoḡija* „отделенная территория“, калм. *ḡoḡā* „часть города, квартал“; тюркск., монг. *tari-* „сеять, заниматься хлебопашеством“, тюркск. *taryu* „злаки“, тур. *dary*, чув. *tjā* „семя, злаки“, монг. *tarija* „злаки“, калм. *tarā*, *tarān*, тюркск. *taryuḡcu* „хлебопашец“, монг. *tarijā-in*, калм. *tarānci*, *tarāntšin* „крестьянин“, ср. кор. *por-tjiri* „поле на возвышенном месте“, *kip-tjiri* „поле в низменном месте“ (порт *ta* „быть высоким“, *kipta* „быть глубоким“); тюркск. *qar-* „запирать“, *qaru* „ворота, дверь“, тур. *qaru*, *qaru* „ворота“, монг. *qaga-*, калм. *ḡā-* (< *ḡaha-*, < **ḡāfa-*) „запирать“, калм. ¹²⁸ *ḡalga* „дверь, ворота“; тюркск. *jaz-* „писать“, уйг. *jazu* „писание, письмо“, тур. *jazu*, *jazu*, тат. *jazu*, балк. *zazū*, чув. *šjū* „письменность, почерк, письмо“, *šjūžə*, караим. *jazuvču* „писел“.

Адъективным производным от этого древнего инфинитива на -(y)ḡ является тюркское причастие на -ḡma, которое употреблялось в др.-тюркск. и уйг. в качестве активного причастия настоящего времени, например: *tānsi oḡli jatuḡma taḡ* „гора, где сын императора (неба) возлежит“, *baḡuḡma* „идя, идущий“, *tegḡmā* „говоря, так называемый“, *ötḡmā* „проходя (проходящий)“ и т. д. Присоединившись к -ḡma еще и поныне является продуктивным адъективнообразующим суффиксом в тунгусском языке (§ 58, 3, г). Также было присоединено окончание -li, а позднее — адъективнообразующий суффикс -luḡ: *jatuḡma*, *jatuḡly*, *jatuḡluḡ* „лежащий“; *toḡuḡma*, *toḡuḡly*, *toḡuḡluḡ* „встающий, выходящий (о солнце)“; *satuḡma*, *satuḡly* „продающий“ и т. п. Замещением -ḡluḡ „с (по-

мощью)...“ переходными глаголами передают, как правило, ст. дательное значение, например: тат. jazū-ly „написанный“, sat „проданный“, birüli „данный“*.

В соответствии с этими тюркскими производными в монгольском языке (халх., бурят., калм.) образуется страдательное причастие на -atā (<-ga-tai ~ -ga-tu), например: ačija-tu, калм. ats „нагруженный“, baglaga-tu, калм. baglatā „связанный“, хагата „пертый“ и др. С помощью окончания -či (§ 116, монг. -či, -ö обозначаящего лицо, осуществляющее действие, было создано окончание имени действующего лица (Nomen actoris) — -gči, например: jazuyčī „писец, пишущий“, satuyčī „торговец“, kälīgčī „пришелец“, тат. jazūčy, satūčy, kälüčy; birüčī „податель“, alūčy „берущий“, якут. ulysyt „берущий“ и т. д. Тюркскому окончанию -gči соответствуют в монгольском языке идентичные по значению -gači, которые могут быть присоединены к любым глаголам, например: монг. bičigčī, bičigečī „писец“, tusalagčī, tusalagačī „помощник, канцлер (государя)“, jabugčī, jabugačī „отъезжающий“; казах. bitsätsi, tuslätsi, jowätsi и т. д. Окончание -ači заимствовано в восточном якутском языке. В бурятских диалектах это имя действительного превратилось в причастие настоящего времени, выполняющее функцию прилагательного, например: ireši sak „наступающее время“, < iregečī čag, с которым соотносится в казах. ötürüksī zel „прозывающий ветер“ и т. д.

О глаголах на -γsa, выражающих волнеизъявление в уйг. и с тюркск., см. в § 90.

От монгольских глаголов на -l- и -r- это образование давало регулярно -lga, -lgan или -rga, -rgan, которые позднее были обобщены на глагольным -lgan: монг. dasu- „привыкать“, dasulgan, dasulga „привычка“, oju- (~ uji-, маньч. ufi-) „прикреплять, шить“, ojułga, ojułga „шов“ > тур. ojułya „тетрадь“, монг. tat- „тянуть“, tatalga, tatalga „тяга, способ тянуть, канат (для перевязывания груза)“, barki (и наряду с ним baila-) „лаять“ (о собаке), тюркск. baquq-, baquq- „лаять“, багуq-га-, бауq- (то же); монг. barkirā, barkirān „вой“, barkirān, barkirālgan „рев, рыдание“. Это образование появляется также в тунгусском: тунг. žava- „схватывать“, žavalgan „рукоятка, ручка“, tege- „сидеть“, tegełgen (> tēlge) „скамейка (в лодке)“, ege- „вращаться, вертеться“, egełgen „круговорот, вихрь“ и т. д.

б) Тюркск. -g, монг. -gu, -gun (-igun). Этот суффикс встречается в многочисленных отглагольных прилагательных, например: тюркск. qat-, якут. kat-, монг. qata- „высыхать, становиться твердым“, тюркск. qatuy, балк., казах. qatty, qaty, монг. qatagu (казах. qatū) „твердый, сухой“, тунг. katan, якут. kytānaḡ (qatan-aq) „крикий“; тар. egiq, тат. aḡū, тур. aḡu, монг. aḡigun, калм. aḡūn (> ман., чаг.), халх. aḡūḡ, aḡūḡ „чистый, опрятный“, тунг. aḡiwun (то же), к монг. aril- „быть чистым, исчезать“, тюркск. arī-, мо

* Следует обратить внимание на уйг. te-g, te-gmä, русск. „словно“, от которого *tāg в зап.-тюркск. дало новую падежную форму: tūjōdāi „словно верблюд (по-верблюжьей)“.

arči- ~ arī- „чистить, мести“; тюркск. ačuy „горький, кислый“, тур. ačuy, казах. ačuy, тат. ačə, якут. ačuy, калм. atsəḡ „горький“, ср.-кор. ačhiropta- „to be pitiful“ (*ački- > atki- > akki-); тюркск. jułuy „теплый“, казах. žuly, žylū, монг. dul, dulagan < juły- „быть теплым“; тюркск. isig „горячий“, тур. issi, казах. yssy, алт. üzū к isil- „быть горячим“ < ономаопоэтическое *fis-; ср.-тюркск. batuy „глубокий“ (тур., казах. batuy „затонувший“) < bat- „погружаться“, ср.-кор. pra- „погружаться“; монг. qala „стать горячим, разгорячиться, нагреться“, qalagan, qalagu „горячий“, калм. ḡalūn „горячий“, ḡalūts- „разгорячиться“, чув. ḡut- (< ḡult- < qalt- < мар. olt-) „топить, нагревать“.

Однако монгольские адъективные производные на -gu являются не только отглагольными. Окончание -gu может быть присоединено как к имени, так и к именной форме глагола, например: есіне „заспанный“ (тюркск. iç „внутренность“, чув. ašlāk „подкладка пиджака“), есінеḡin „втайне, тайком“, sočimta „страх“ (< soči-, soči- „испугаться“, гольд. čoča- „сбежать“, кор. čokki- < čoč-gi- „вспугивать, прогонять“), sočimtagu „трусливый, пугливый“, бурят. sošimtu „боязливый“; тюркск., чаг. ozaū, ozawu (kūn) „позавчера, прошлый“ (oz-a „предшествующий“). Из отглагольных прилагательных (тюркск. на -g, монг. на -gu) в монгольском языке особенно широко употребительным является прилагательное от отыменного глагола на -si, например: тюркск. tāmir-si-g „железоподобный, железистый“ (tāmir „железо“, tāmir-si- „становиться железом“), тур. demirsi; qul-sy-γ „рабский“, тур. qulsy (< qul „раб“); süci-g (< sütsi-g) „сладкий“ (< sütsi „молоко“ > сев.-тюркск., как и зап.-тюркск. ассимилированное sücüg, sücü, зап.-тюркск. позднее диссимилируют sücü, казах. tüşü), тур. süzi, süci „сладкий“; др.-тюркск. sub-sy-γ „водянистый, водоподобный“ и т. д.; монг. temür-si-gü, калм. tēmüršū (наряду с этим tēmürsig, tēmüršingī) „как железо, железоподобный, железистый“; para-si-g, para-si-gu, калм. parāšig, parāšingī „как солнце“. Таким образом, в монгольском наряду с суффиксом -sig употреблялся и суффикс -sigu¹²⁹; кроме того, существовал тип образования на -singi, откуда впоследствии суффикс отделился и вошел в употребление как суффиксированное слово, так же, как sū(temürsū „железоподобный, словно железный, железистый“) в алтайском диалекте. Поскольку в монгольском языке и еще кое-где наряду с -g весьма часто находят и -gu [ende-g „ошибка, заблуждение, ошибочный“, ende-gü, калм. endü „ошибка, ошибочный“ (< ende- „ошибаться, совершить преступление“), гольд. endeken „ошибка“, endektu „со многими ошибками“ (адъект.)], и оба суффикса, в адъективном употреблении, соответствуют тюркскому адъективообразующему суффиксу -g и субстантивообразующему -g и -ga тюркских существительных на -g, здесь было бы лучше всего придерживаться монгольского языка, т. е. предположить наличие двух первоначально различных суффиксов -g и -gu. Представляется возможным также, что монгольский -g во многих словах заимствован непосредственно из тюркского (на-

пример, biçig „письменность, письмо, почерк“, тюркск. bitig; çerig „войско“, тюркск. çarig; bilig „знание“, тюркск. bilig), а монг. -gūn (> тунг. -wūn) исторически закономерно соответствует тюркскому -g.

в) Тюркск. -q, -uq, монг. -g. Тюркский суффикс -uq встречается главным образом в словах, обозначающих результат действия, например: тюркск. açuq „открытый, раскрытый“ (< aç-, голд. açu- „развязывать“), apuq „готовый“ (apu- „приводить в порядок“, apuq- „приготапливаться“); др.-тюркск., уйг. aduq, южно-тюркск., зап.-тюркск. ajuq „обособленный, особый“ (adyr-, зап.-тюркск. ajuq- „разделять, разобщать“; монг. ajiqa- „освобождаться, умирать“; маньч. fajiqa- „отделять“; голд. radı „другой“; тюркск. aduq „другой“, adna- „изменяться“); тюркск. jazıq „ошибка, преступление“ [jaz- „промахнуться, совершить преступление“; тунг. darıski „в сторону, мимо“; кор. tarı- „быть различными“, tarım „разница“; тюркск. (тел.) jazım „промах“]; ср.-тюркск. etük, казах. etik „бапмак“ [(ср. чув. abä „башмак“; якут. ätärbäs „башмак“ < ät- „одеваться“, маньч. etu- (то же); домонг. *etüri-, тюркск. *ätür- „одевать“)], ätäk „обшивка платья“ (< *ätä-, ät, монг. ete- „волочить по земле“, маньч. fete- „рыть“); ср.-тюркск. suduq „слюна“ < sud- „плевать“; тюркск. biçuq „расколотый, половина, сторона угла“, кор. çök „один из пары“, ср. biçuq „угол“; монг. buça-, тунг. piçu- „возвращаться“; тюркск. uduq „святой“, якут. utuk (> тунг. etik „жертвоприношение“) „свободно пасущийся, преподнесенный“ (< ud- „посылать, оставлять свободным“, монг. ida-m „священный“); тюркск. toq „сытый“ (< to-d- „насыщаться“, зап.-тюркск. toj- — то же, tojgıq- „насыщать“, ср. тюркск. tol-, якут. tuol- „быть полным“, монг. to-sun „сало“); тюркск. jük „груз“ [< jü- „нагружать“, jü-d-, jü-k (то же), монг. jüge-, калм. zö- „нагружать, транспортировать“, тунг. (Василевич, Сл. I, стр. 53) d'üwü-, d'ügü- „ехать, перевозить сюда“, кор. çı- „взваливать“, çın, çik „груз“]; тюркск. joq „нет, не, без, бедный“ (др.-тюркск., уйг. jo-d- „пропадать“); тюркск. tiläk „просьба“ [< „вымаливаемое“ < tilä- „просить“, монг. (монгНТ.) çilä- < кит.-кор. *ti „желание“, маньч. çiha (то же)]; тюркск. tu-juk „замкнутый“ (< tu- „замыкать“, tu-γ-la — то же).

В монгольском и тюркском особенно употребительно имя на -q от глаголов на -ta- „становиться чем-либо“ и на -sa- „желать чего-либо, иметь к чему-либо склонность“: уйг. ögräk „учение, учеба“, ögrä-p- „обучаться, учиться“, ög „ум, рассудок“, ö- „уметь, разуметь“; тюркск. kökräk, монг. kökereg, kökere- „голубоватый, довольно голубой“, тюркск. kögär „голубеть“ (окончание тюркской сравнительной формы -raq, -räk позднее развивалось самостоятельно, на это указывают такие примеры, как kögär- ~ kögräk); тюркск. ärsäk, нем. „mannstol“, монг. egeseg (то же), монг. erese-, нем. „mannstoll sein“ („быть без ума от мужчин“) < тюркск. äg, монг. ere „мужчина“. По сравнению с глаголами на -sa образования с -saq имеют более обобщенное значение (§ 90).

Установить различие между исконными образованиями на -g- и образованиями на -q- в тюркском часто бывает трудно; это объясняется тем, что в результате оглушения -g- во многих диалектах (вост.-тюркск., сев.-тюркск.) согласные -g, -k и -q совпали, и различить образования на -g- и -q- стало возможно только по их значению. В монгольском также конечный -q ~ -k совпал с древним конечным -g. В тунгусском языке их различить несколько легче: если рядом с -g мы встречаем -w или -j, значит перед нами древнее образование на -g, что же касается -k, то он остался неизменным: тунг. bužek „место погребения, могила“ < тунг. bu- „умирать“, buže- „кончаться, лежать при смерти“. Исконный -k мы находим и там, где в качестве суффикса, образующего вторичные глаголы со значением повторяемости действия (итеративные глаголы), применяется сейчас в тунгусском языке -kta-, в маньч. -ta-, а в голд. суффикс -ktu- (Петрова, стр. 14), с помощью которого образуются также страдательные причастия прошедшего времени: голд. holaktu „множественно читанный“ (< hola- „читать“), çarçektu „расколотые дрова“ (< çarçi- „колоть, рубить“); тунгБ. kirgäktu „постриженный“ и т. д. Следует ли связывать элемент -tu в окончании -ktu (-ktu или -ktū) с монг. суффиксом -tu „с“ или, скорее, с неким предполагаемым -kta-gu — предоставляется выяснять будущим исследованиям. Если можно было бы считать, что голд. holaktu возникло из более древнего *holakta-gu, то его страдательное значение было бы легко объяснимо, и эта форма должна была бы быть соотносима с монгольским страдательным залогом на -gda: монг. jabu-gda- „быть упрежденным“, idegde- „быть съеденным“, iregde- „быть вынужденным прийти, быть удрученным чьим-либо (надоевшим) приходом“¹³⁰.

Имена на -k и на -g послужили основой для дальнейших производных образований: тюркск. -tu „замыкать, преграждать“, tuγla- (то же), tuγ „замок, запор“; монг. пэи-¹³¹ „переселяться“, маньч. пи- (то же), тунг. пи-kte- „кочевать“, пи-žek „стойбище“, пик (то же) (Василевич, Сл. I, стр. 52); тунг., маньч. бу- „умирать“, бу-g (прилагательное), примерно, „смертельно больной“, бу-gle- „быть смертельно больным“, бу-ssg „лежать при смерти“ (< buz-se „ждать смерти“); монг. ösür-, ösüre- „брызгать“, ösü-gle „обрызгивать“; тунг. tuksa „прыгать“, tuksa-kta „прыгать туда и сюда“ и т. д.

Тунгусские глаголы на -kia-, имеющие итеративное значение, должны, таким образом, быть возведены к отглагольным существительным на -k-, а вторичные глаголы на -gla- должны происходить от отглагольных прилагательных на -g. Но вопрос о том, восходит ли монгольский страдательный на -gda к первоначальному -k или к -g, мы сейчас окончательно решить не можем.

В корейском языке -ag- ~ -ig вследствие смягчения звука -g-, ставшего спирантным, дало долгий гласный, в то время как исконный -k изменению не подвергся: кор. каго, сев.-кор. karg-i „мука“ (< kaqag „мука“, kaq- „молоть“); çаго, сев.-кор. çarg-i „черенок“ (< çaqag, ср.-тюркск. çal- „хватать, обвивать“, çalma „тюрбан

(чалма)*, *čajgu* „коса (с.-х.), серп“; кор. *kirek* „длина“ (< *kil-* „быть длинным“, *kiri* „длина“, *khogiri* „длиноносый“ > „слон“); кор. *peľbek* „ширина“ (< *peľ-*, *peľ-i-* „быть широким“); кор. *папи*, *папо*, *папак* „дерево, дрова“ (< **paпag*, наряду с этим, быть может, и **paпak*), сев.-кор. *папг-i*, *pāпgi*, *paпgi* (то же); кор. *купи*, *кумен* „яма, нора“, сев.-кор. *купги* (ср. тюркск. *kōm-*).

§ 67. Монгольские суффиксы -si и -s

В монгольском языке -si является окончанием отглагольного имени, которое чаще всего обозначает возможность или невозможность какого-либо действия, например: *idesi ügei* „несъедобный“, *idesiti*, *idesi-tei* „съедобный“; *jabusi ügei* „непроходимый“, *jabusitu* „проходимый“ и т. д.; калм. *ostē-jum bolъ* „быть к чему-либо пригодным“ (*osi* < *o-*, маньч. *o-* „становиться, develop“, кор. *o-* „приходить, venir“); *idesi* „кушанье“, *darusi* „надгробный памятник“ (< *daru-* „давить“), *bulusi* „убежище, сокровище“ (< *bulu-* „зарывать“), *asi* „бытие“ (< *a-* „быть“), *kebtesi* „место для сна, ночлег“, *tilesi* „горючее“¹²² и т. д. Следует заметить, что наряду с этой формой окончания встречается еще его осложненная форма на -gusi, в устной речи -üsi: *idüštē* „съедобный, возможный для еды“, *idüs-üge* „невозможный для еды, несъедобный“; это окончание восходит к *-*bu-si*, причем -*bu* представляет собой древнее окончание страдательной формы основы.

С монгольским -si может быть соотнесено тюркское -as-, -äs-, которое во многих диалектах встречается с притяжательными суффиксами; и образования с этим окончанием имеют значение необходимости или возможности, например: тат. *kiläsi bar* „он должен прийти, он может прийти“, *biräsim kilä* „я дам“ (< букв. „мое даяние приходит“), казах. *desimän* (< *desi-män* „лишь только он это сказал бы (~ скажет)“¹²³). Это тюркское образование тождественно чувашскому инфинитиву на -as; из чувашского, вероятно, заимствовал свой инфинитив на -aš марийский язык.

От этого -si следует отличать суффикс -s в монгольском, тунгусском и корейском языках, который присоединяется к именам для выражения внезапности попытки совершения действия или неожиданности явления. В монгольском языке эти имена носят характер наречий и связываются с глаголом *ki-* „делать“, например: *sagu-s ki-*¹²⁴, калм. *sūs ge-* „присесть на мгновение (ср. финск. *istahtaa* — то же), сделать так, словно собирался присесть“ *ides ki-*, „съесть маленький кусочек, перехватить кусочек, попытаться съесть“, *jabus-ki*, калм. *jawus ge-* „подняться, чтоб идти, внезапно уйти“. Этому, хорошо известному во всех монгольских диалектах словоупотреблению, в тунгусском языке соответствует употребление имени на -s с глаголом *se-*, маньч. *se-shi* „говорить, думать, делать, быть“ (= кор. *h-*, англ. *to do, to mean, to be*), например: тунг. *bu-* „умирать“, *busse-* „быть близким к смерти, быть почти мертвым“, *busse-l-* „быть смертельно раненным“; *duku-* „писать“.

dukussa- „пытаться писать (т. е. не умея)“; *gun-* „говорить“, *gunisse* „тщетно пытаться что-то сказать“; *d'ewu-* „есть“, *d'ewusse-* „хотеть съесть, (тщетно) ринуться на пищу“. Сюда же относятся еще тунг. -*so-* „становиться, делать“ (Василевич, Сл. II, стр. 206): *паса-* „махнуть (рукой)“, *пасас o-*, *пасасō* „махнуть разок“, что и дало окончание -*so-* для образования отглагольных глаголов, ср. гольд. -*so-*, -*su-* в качестве отглагольного суффикса (Петрова, стр. 18); затем, например, тунг. *купи-* (< *куи-пи-*), „куу-кричать“, *купис* „зов, сигнал“, *купiso-* „сигнализировать“; тунг. *кепги-* „колотить“, *кепги-s* „стук“ (ср. монг. *кепгерге* „барабан“), *гилта-s* „блеск“ (тунг., гольд. *гилтала* „блестеть“, *гилтали* „блестящий“); монг. *алу* „через, прочь, далеко“ (< **alu-*, **al-*, ср. *alqu-m*, *alča-m* „шаг“; маньч. *alqu-m* „шаг“; тюркск. *aš-* „перешагнуть“; чув. *ut-* „шагать, перешагнуть“ < **al-t-*); монг. *улас ки-* „отливать красным“; ср.-тюркск. *улас көз* „налитый кровью глаз“; монг. *жокис* „порядок, размеренность“ (< *жокі-*, ср. тунг. *жокі-гкән-* „отправлять“, *жокē-* „привести в порядок“ < монг. *жокі-ја- ~ жокі-га-*).

В корейском языке этому образованию соответствует сложносоставное образование из -s и *ha-* (< **he-* < **se-*), например: *пулк-* „быть красным“, *пулгін* „красный“, *пулгит пулгит* „там и сям красное, местами красное“, *пулгит пулгит ha-* (написание *пулгис*) „немного отсвечивать красноватым“; *hji-* „быть белым“, *hjin* „белый“, *hjit hjit* „беловатый, с белыми пятнами“, *hjit hada* или *hjit hjit hada* „быть беловатым, отсвечивать белым“; *ttj-* „всплывать кверху, вытекать на поверхность“, *ttjit ttjit hada* „всплывать то там, то сям“; *parj-* „быть едва достаточным“, *parit hada* — то же (ср. монг. *burugtai* „едва достаточный“).

§ 68. Суффикс -gi, тюркск. -z

Как в корейском, так и в монгольском и тунгусском мы находим некий суффикс -gi, которому в тюркских соответствует -z. В монгольском языке отглагольные имена, образованные при помощи этого суффикса, имеют чаще всего значение места, предмета или средства действия, например: *бajи-* „быть, стоять, пребывать“, *бajиги* „стоянка, место жительства“; *сагу-* „сидеть“, *сагиги*, калм. *сүри* „сидение, стул, место оседлого жилья“ > гольд. *сауги* „банка для гребцов (скамья в лодке)“; *богу-*, калм. *бō-* „зашнуровывать“, *бōш* „ущелье, теснина“, *бōги* „ущелье, теснина“, *бōгила-* „задушить“, тюркск. *боу-*, зап.-тюркск. *bou-* „зашнуровывать“, уйг. *боуиз*, зап.-тюркск. *bouz*, якут. *буос* „шея“, вост.-тюркск. *боуиз ~ боуаз* „шея“ > „корм, еда“; тюркск. *тагаз* „чесаное волокно“, *тага-* „чесать“, *тагаз* „расческа“, калм. *таг* „длинные волосы“; тюркск. *купуз*, *купуз* „кумыс“, калм. *күмү* (< **күмүг* или **күмүги*) „кислое молоко, разбавленное водой“, тюркск., уйг. *душ-* „взбалтывать, перемешивать“; уйг. *қолауиз* „руководитель“, тур. *қулауиз* (< *қола* „рука“ и **awuz* = монг. *авуги* „взятие“, ср. тюркск. *awuc* „рука, ладонь, горсть“, монг. *авуца*, койб. *ōmas*, „туной“ < **aw-maz* „не

берет, неберущий"); тюркск. *köz* „глаз“, ср. *kög-* „глядеть“, таким образом, либо **kō-* „глядеть“, *köz* „глаз“, либо *kög-* и **kög-z*, напротив, чув. *kuś* „глаз“ < *kuḡ-ś* „зрение“ < **kög-č*, тюркск. *körüş*, или еще *kög-č* как уменьшительное от **kög* = тюркск. *kög* (**kō-* в монг. *epe-kü* „le voïci“, кам. *koje-* „глядеть“); тюркск. *iz* „след“, *izdā-* > *istā-* „преследовать, следовать за“ < **iri*, ср. *ijā* „следующий“, *ijin* (то же); тунг. *žebu-*, гольд. *žerči-* (> *žebuti-*) „есть“, *žeruri* „кушанье“, *žeru-lte* „съестные припасы“; кор. *ča-* „лежать“, *čari* „кровать, матрац, место, площадь“; тунг. *d'agi-n* „вместо“ = маньч. *žalin*, *žagin* „ради, по причине“; маньч. *šeri* „источник“ (*še-* „простекать“), кор. *se-* (*šai-*) „выступать наружу, всходить (о солнце)“, *sepi* „источник“ (< *šaim*), *sepeḡ* „предраассветные сумерки“; тюркск. *tyrqaз* „шлагбаум“ (Радлов, III, 1325), *tyrqa-* „закрывать“, маньч., монг. *čirga* „закрывать ворота“; гольд. *poḡeralaḡ* „нумерование“, *poḡerala-* „нумеровать“, *selkočcoḡi žō* „баня“, *selko-* „мыть“.

В гольдском языке это образование на *-ri* имеет значение неопределенного наклонения и используется как в действительном залоге, где имеет вид *-ri*, так и в страдательном — в виде *-ori*, *-uri* *-guri* < **-wuri*. Окончание **-wuri* то же самое, что в монг. *-guri*, *-buri*: *ežele-* „господствовать“, *ežele-gūri* „государство“, калм. *eželwḡ*, бурят. *eželūri* „господство, государство, правление“, *surgaburi* „учение, преподавание“¹³⁶, калм. *surgūli* и т. д. Тот факт, что первоначально окончанием здесь было **-buri*, а не *-guri*, доказывают такие постконсонантные примеры, как монг. *kiḡbūri* „действие“ (< *ki-* „делать“, тюркск. *qu-* „делать“); *ölbūri* „мор, эпидемия“ (тюркск. *öl-* „умирать“, монг. *ölüs-*, тунг. *ülbü-ni-*, *ülbi-ni-* „умирать с голоду“) и др. Из монгольского заимствовано якутское имя на *-bur*: *tölöbūr* „оплата, оплачивание“ и т. д.

И напротив, редкий тюркский тип словообразования на *-шиг* должен был бы представлять собой имя на *-г* от вторичного глагола на *-ши-*, например: *jaḡшиг* „дождь“ (*jaḡ-* „идти дождю“); уйг. *almuḡ* „жадный“ (*al-* „брат“); казах., чаг. *kejmuḡ* „одежда, оболочка“ (*kej-* < *ked-* „одеваться“). Подобно этому и монг. *ködel-mür-či* „работник, работающий“ < *ködel-* „двигаться“, ср. уйг. *ködüg* „работало“.

Сюда же, вероятно, относятся такие тунгусские именны образования, как *kepaḡin* „ржавчина“ (*kepa-* „ржаветь“), если только они не образованы по аналогии с бурятскими заимствованиями.

§ 69. Суффикс -l

Образования на *-l*, которые являются прежде всего именами со значением прилагательных, применяются в монгольском, а также в тюркском и тунгусском, хотя в двух последних из названных языков они, кажется, могут быть истолкованы и как монгольские заимствования. Примеры: монг. *tani-l* „знакомый“, ср. тюркск. *tanu-š* — то же (< монг. *tani-*, тюркск. *tanu-* „знать“, **tā-ni-*, ср. тунг. *tā-* „знать“); монг. *tugul* „теленка“ (тюркск. *tuḡ-* „рождать“

ся“, *tuḡ-ur-* „рожать“, *tuḡ-та* „рожденное (= братья и сестры)“; монг. *ajil*, уйг. *aḡul*, казах. *aul* „аул“ (тунг. *ag-* „прибывать“); тюркск. *qysul* „ложбина, ущелье“ (< *qys-* „сжимать, сдавливать“, монг. *kisa-* — то же) = монг. *kisal* „гнев, сердитый“ (ср., далее, уйг. *qysqa*, тур. *qusa* „короткий, тесный“); уйг. *amul*, *amul* „покой, спокойный“, монг. *amur* — то же (тунг. *a-mu-* „хотеть спать“); тюркск. *quzuḡ* „красный“, чув. *žerlō* „красный“ (тюркск. *quz-* „покраснеть, пылать, раскалиться“, монг. *kira-ga*, калм. *kiḡā* „утренняя заря“); тюркск. *osaḡ* „плохой“, монг. *osaḡ* „промах“ (*osa-*, тунг. *usa-* „запускать, пренебрегать чем-либо, промахнуться“, якут. *usa-ḡsyn* „весьма плохой, неудачный“ < монг.); ср.-тюркск. *qarial āi* „полосами нарезанное мясо“ (ср.-тюркск. *qarta-* „разрывать“); чаг. *jatul* „вотчина, округ“ (*jat-* „лежать“); тунг. *küsil* „борьба, война“ (*küsi-* „биться“) = *küsiri*.

Тюркские образования на *-l* ограничиваются небольшим числом слов, но прилагательные на *-sul* от отыменного глагола на *-su-* общеупотребительны так же, как прилагательные на *-su-n-aḡ*, *-su-n-an*, *-su-n-al* и *-su-ḡ*, например: *aḡ* „белый“, *aḡsu-* „быть беловатым“, тат., уйг. и др. *aḡsul*, казах. *aḡсушаḡ*, *aḡсупан*, уйг. *aḡсуḡ*, алт. *aḡsū* „беловатый“; *kök* „синий, зеленый“, тат., уйг. и т. д. *köksül*, балк. *közsüldüm* „синеватый, зеленоватый“; ср.-тюркск. *ar* „желто-красный“, ср.-тюркск. *arsul* „впадающий в желто-красный цвет“ (> **arsylan* > *arsalan* „лев“?)¹³⁷; уйг. *or* „светло-серый“ > *orsul*; *qara* „черный“, тур., коман. и др. *qarasul* „черноватый“; *joḡ* „бедный, не“, тур., коман. *joḡsul* „ничтожный, нищий“; *quḡ* „песок“, *quḡsul* „песчаный“ и др.

Рассмотрев внимательно некоторые из приведенных выше примеров, мы можем заметить, что это образование на *-l* имеет перфектное значение. Поэтому можно предположительно допустить, что это образование этимологически связано с монгольским настоящим совершенным временем на **-luai* (в письменной традиции *-lugai*, *-lügei*, в устной *-lä*, *-lā*, *-lai*, *-lāi*). Эта глагольная форма обнаруживает весьма характерное для монгольского языка удлинение гласного в конце предложения, но наряду с этим мы находим и более краткую форму на *-l*, например: *jabulugai* „пошел, ушел“, *irelügei* „пришел, уже здесь“, халх. *jawlā*, *irlā*, калм. *jowlā*, *irlā*, но и калм. *ta jowl-ta* „вы же пошли“, *tši ir-tši* „ты уже здесь“, калм. *bilā* „было“, *biltā* „это же было и должно быть; вероятно“, *bilü* „было ли (это)?“

Наряду с первичными образованиями, например: *ükül* „смерть“, *ugusul* „поток, течение“, *qaraḡ* „вид“, *törül* „рождение“, *qarijal* „проклятие“ и др., встречаются часто типы образований, произведенные и от вторичных глагольных основ; в дальнейшем эти образования продолжают развиваться как имена, например: *üküdel* „смерть, умерший, труп“ (*-da-* представляет собой суффикс страдательной основы)¹³⁷, *jabudal* „образ жизни, поведение“ > „проступок“ (> тел. *jabutal* „грех“), *bajidal* „бытие > природа > свойство“, *urusqal* „поток, течение“ (*-ga-* окончание для фактитива), *magtal*,

maglagal „хвала, хвалебная песнь“, калм. maktal и maktāl; amisqal „дыхание“ (amis- „дышать“, amin „жизнь“), e'üskel „начало, creatio“. Здесь же следует упомянуть и еще об одном образовании — образовании на -bul (написание: -gul), например: qaragul, тюркск. qaragul, халх. qarūl „наблюдатель, караул, караульный пост“ (монг., тюркск. qara- „рассматривать, наблюдать“), managul, халх., калм. manūl „ночная вахта (дежурство), наблюдение“ (mana- „дежурить ночью“), žasagul „власть порядка (дисциплина), офицер (есаул)“, (žasa- „приказывать“) и др. (окончание *-bul ~ -gul является также страдательно-факитивным). Перед суффиксом -sun, придающим образованию оттенок конкретности, -l- в силу фонетических закономерностей выпадает, например: argal ~ argasun (< *hargalsun, маньч. fažan, койб. aruq) „навоз как топливо (кизяк)“, sakigul „покровитель“, sakiguison „амулет“.

Тип образования на -ul, -gul, -aul (ср. Bang, Vom Kök-türkischen zum Osmanischen, стр. 56—), являющийся в тюркских языках монгольским заимствованием, стал продуктивным в (чагатайском) литературном языке, например: уйг., чаг. bāgāul „кравчий“ (Радлов, IV, 1581, ср. кор. mek- „есть“, SKE, стр. 145). Примеры из якутского языка доказывают, что мы имеем здесь дело с неким *-bul, в котором -l было присоединено к суффиксу страдательной основы -bu-, например: „надежда“ arābil (arāl, arāltā, arāmbī, arāni „надежда“), arā-, arān- „надеяться“, anabul ~ anal „приказ“ < anā- „приказывать“, tirābil „опора, поддержка“ (койб. tirāl „опора“, казах. и т. д. tirāk — то же) < tirā- „поддерживать, подпирать“, toxtobul „место остановки“ < toxtō- „останавливать“. Удачную аналогию этому -l ~ *-bul представляют собой упоминавшиеся выше -ri ~ -buri и -si > -busi. Появляющееся здесь -bu- — древнейшее окончание страдательной основы; подробнее мы рассмотрим его в § 77.

В монгольских производных образованиях на -lta имеется тот же самый вносящий оттенок конкретности суффикс -ta, который присутствует в монгольском -n-ta: qurī- „собирать“, quril „сбор, собрание“, qurilta „место собраний, курултай (= парламент)“ и т. д. (ср. выше, § 58,2, а также § 126).

§ 70. Суффикс -gan

Суффикс gan-, применяющийся как в тюркских, так и в южно-тунгусских языках для образования причастий прошедшего времени, представляет собой, пожалуй, составную форму из -ga-, с помощью которого образуется вторичная глагольная основа, и -n.

В тюркских языках оно постепенно вытеснило старое причастие прошедшего времени на -n, которое ныне живет только в чувашском языке (-n, -nñ). Причастие на -gan обозначает длительность состояния или, употребляясь в функции прилагательного, — результат действия¹³⁸. В тюркском, спрягаясь с личными местоимениями, оно часто выполняет в предложении функции

сказуемого; встречается также и в сочетании с притяжательными суффиксами (Алт. гр., § 425). В гольд., ольч., негид. ему соответствует причастие прошедшего времени на -ha, -han, а в маньч. на -la. Имеющаяся здесь вторичная глагольная основа на -ga-, вероятно, тождественна тому факитивному образованию на -ga-, которое принято в монгольском и тунгусском языках.

Примеры: ср.-тюркск. uγan „всемогущий, бог“ (u-, якут. u- „мочь“; чув. -i в слове ruī „возможный“); тюркск. alγan „взятый, супруга“, тур. alan; bolγan „бывший“, тур. olan; уйг. erkan „бывший“, тур. ikān; уйг. qačγan „безжалостный“, тур. qačan, тат. qačqan, казах. qačqan, койб. qasqan; уйг. oγnagan „игравший, играющий“, казах. oγnagan, койб. oγnan; уйг. basγan „давящий, угнетающий“; алт. ölgön „умерший“, ölgönim „я пропал (погиб)“; койб. kilgān, kelgān „пришедший“, с личными окончаниями kilgāben „я приходил“, kilgāzan „ты приходил“, kilgān „он приходил“ (II форма прошедшего у Кастрёна); уйг., койб. turγan „стоявший, стоящий“, койб. turgabun „я стоял, я стою = я (есть, был) стоящий“, turgazal „ты стойшь = ты есть стоящий“, turgan, turgabys, turgazār, turganpar, карагас. turganmyn, turgansyn, turgan, turganbys, turgansilār, turganpar. Применяемый в качестве модального вспомогательного глагола turγan в тел., алт., тар. претерпел сильное сокращение, например: уйг. ala turγan „беря стоящий; тот, что то и дело (или как раз в данный момент) берет“, тар. aladuγan, alatqan, алт. alat-tan; таким образом, тар. -aduγan, atqan, алт. -a-tan имеют теперь значение окончаний длительного (дуративного) или прогрессивного причастия настоящего времени (ср. Schriebl, KSz, 15, стр. 277).

Различные падежные формы этого причастия выступают в функции глагольных определений; тюркск. alγanča, alγandan и т. п. Более древние образования такого рода часто субстантивировались, например: балк. körköm „опухоль“ (kör- „опухать“); балк., казах., тат. tuγan „ребенок, брат, родственник“ (tū-, уйг. tuγ- „рождаться“); ср.-тюркск., балк., чаг. qazγan „котел“, тат., казах., тур. qazan (< qaz- „выкачивать“, ср. кор. kal- — то же, kallā „застуд“); балк. qalγan „остаток, объедки“ [qal- „оставаться (позади)“]. В монгольском языке такие примеры единичны: jabigan „пеший (идуший пешком)“, bolgan „каждый“¹³⁹ (bol- „быть возможным, становиться“; edür bolgan „каждый день“, ešügen, öšügen „прошедший“, ešügen edür „вчера“; быть может, и mergen „умный, ловкий“. Из северотунгусского также могут быть приведены лишь единичные примеры: сол. gune-gen „именно (по имени), так сказать“ (= тунг. gūnūnūri < gun-bu-ri < gun-, gune- „говорить, называть“, кор. ku- „говорить“). Продуктивной эта форма суффикса была только в южной области распространения тунгусского языка, т. е. в маньчжурском, гольдском, в языке ольча и негидальском. Прошедшее время здесь мы встречаем либо в функции причастия, либо сказуемого — в маньч. на -ha (-ka в позиции после -n-), в гольд. на -ha или -han, в негид. на -γan, -kan: гольд. holahan „читавший“, holahan-bi „я читал“, si holahan или holahan si „ты читал“, holahan nai „чело-

„не беря“, aqşam olmajuñza „пока еще не наступил вечер, до наступления вечера“. В качестве равнозначной формы этот суффикс имеет в большинстве тюркских языков общий тип деепричастия: в тур. -dukça-, койб., карагас. -gança и в вост.-тюркск. -yuça.

§ 72. Суффикс -gak

Как нам кажется, этот обычный для монгольского и тюркского формант прилагательного возник тем же путем, что и сложно-составное -sa-q, -ta-q, -si-g (тюркск., тур. -si; монг. -sig, -siñgi, -siñgi) и др.¹⁴¹ Основой послужил, вероятно, вторичный глагол на -ga- (= монгольскому фактиту) и отчасти некий отыменый глагол на -qa- или -tqa-. Примеры: уйг. qoñqaq (< qoñq-yaq) „боязливый, робкий“, ičgak, ičkak „вамшир“ (< ič- „пить, сосать“), orqaq „болото“ (< or- „засасывать“); вост.-тюркск. uññaq „тот, кто постоянно чешется“, iññagāk „грызун“, uññaq „забывчивый“; балк. qurqaq, qurug, тур. qura „сухой“ (< qur- „быть сухим“, qurqa- „сушиться“). Монг. elgeg „сито“, кор. elgemī, тел. ālgāk, алт. ilgāk, тат. iläk — то же (< тюркск. elgä-, el- „просеивать“); тюркск. buçqaq, buçaq „нож“ (< buç- „резать ножом“), казах. oññaq „серп“ (< oñ- „жать“), eškāk „весло“ (< eš- „гребти“) и др. указывают на явно инструментальное (орудийное) значение этого суффикса, засвидетельствованное и в двух корейских словах того же типа; riğak, riğek „серп“, в сев.-кор. riğakci hađa „жать серпом“ (ri- „жать“) и ciğek „ложка для риса“, „черпак“ (ci- „давать“). Монгольский язык обычно пользуется для образования имен орудий и инструментов суффиксом -gu-g: tülki-gür „ключ“ (< tülki- „всовывать“); bari-gur > bariul „рукоятка“ (< bari- „хватать, брать“); arci-gur > arcül, arcür „полотенце“ (< arci- „сушить, чистить“). Одновременно тот же самый суффикс -gur служит для образования имен, выражающих „склонность“ к чему-либо: aññaq-gur „ротозей, птенец“ (< añña-lğa, añña-ji „быть открытым“, aññaq-qaı „открытый“, añ „отверстие, щель“) и т. д.

К глаголам на -qa- относятся, например, уйг. jarıy-qa- „предписывать, приказывать“, iññ-kä- „сочувствовать, соболезновать“, так же, как монгольско-тюркский тип словообразования на -t-qa-, например: монг. boja-tqa- „вести себя по-барски (как барин)“, baja-tqa- „бахвалиться (хвалиться своим богатством)“; уйг. alpuñqa- „хвалиться своими геройскими подвигами“ (< alp „герой“, кор. alpuñ-ä „перед, впереди“ > arpuñ — то же); монг. baturqa- „быть задорным“; монг., халх. ciññgaxa- „быть очень каменистым“, ciññgaxak gadzar, ciññgaxi gadzar „каменистая почва“, usurğak, usurğui „слишком водянистый“ и т. д.; монг.-тюркск. sojuñqa- „быть милостивым, разрешать“ (< soju-l „свет“, тунг. soju-l-bu- „освещать“, халх. aradın sojol „народное просвещение“; Банг и Габэн выводят sojuñqa- из кит. tsu „добрый“).

§ 73. Суффикс тюркск. -duq, монг. -dag

В монгольском языке имеется глагольное имя на -dag¹⁴², которое означает привычность действия. Поэтому я и назвал его Nomen as (см. ККМ, стр. 30). В тюркском ему соответствует имя на -iq (и наряду с ним также на -s-iq), которое представляет собой -q- от вторичной глагольной основы на -d-, -t-. Подобная форма еще и ныне существует в тунгусском языке, где она имеет значение длительного вида (континуатива). Как способ ее образования (с помощью -t-, -d-), так и ее значение, пожалуй, весьма родны с теми формами в тюркском и монгольском языках, которые были приведены выше, хотя эти языки уже не знают подобных образований. К имени на -duq, которое в якутском языке учит ныне как -taх, -tag, настолько приближается некая используемая в тунгусском, особенно в негидальском, глагольная форма -dig, что их тождественность может считаться доказанной, например: негид. bidigin „он существует, он живет“, негид. ge-nin ba-dig-in, ge-nin wa-dig-in „один (из двух охотников) обыкновенно рпел неудачу (alba- „не мочь“), другому всегда удавалось набить ши“ (wa- „убивать“), где элемент -in является суффиксом 3 л. ед. ч.

В тюркском более древнего периода имя на -duq, -duq употреблось еще и как особое именное образование от глагола, но, поскольку прошедшее время на -dum, -duñ, -du (ед. ч.) и соответственно -duñuz, -duñuz, -duñar (мн. ч.) как фонетически, так и семантически выполняло очень близкую к нему функцию, — образование на -duq (-duq, -dük, -dik) примкнуло к данной форме прошедшего времени и вытеснило форму 1 л. мн. ч.¹⁴³ Таким образом, парадигме прошедшего времени многих языков, особенно же тюркских диалектов южной группы, мы видим ныне в качестве окончаний единственного числа -dim, -diñ, -di, а в качестве окончаний множественного числа -dik, -diñiz, -dilar. После того как тот -q, -k стал восприниматься как характерный признак 1 л. мн. ч. прошедшего времени, он постепенно проник и в другие парадигмы в желательном -sa-q, в повелительном -aju-q). Этот процесс породил варианты во многих тюркских языках, например: койб. alzabyz, алт. alsamys, alsaq „если мы возьмем“, тур., туркм., азерб. и т. д. alsaq; alajın, alajım, alajıq „давайте возьмем (мы бы взяли, взять мы нам)“. Подобного характера новообразования не прослеживаются ни в чувашском, ни в якутском языках.

Следует особо отметить, что имя на -daq (ныне -taх, -tag) в якутском языке образуется только от отрицательных основ, например: buolbataga „он не был“ (< bol-ma-daq-y), buspataх „сырой, свареный“ (bus-, общетюркск. buš- „вариться“; ср. монг. siraqu „жарить и варить“). Монг. jabudag-ügei > jabud-ügei — совершенно новый процесс.

§ 74. Суффикс тюркск. -gaç, монг. -gad

С помощью этого суффикса в тюркском образуется (действительное) причастие прошедшего времени, например: aŷaç „взявший, бравший“, kīrgāç „вошедший“, ketgāç „ушедший“ и т. д. Этому, хорошо известному в тюркских языках типу образования, в монгольском языке соответствует деепричастие прошедшего времени на -gad, например: jabugad itebei „пошедши, я вернулся, ушедши, он возвратился вновь“, калм. jowād irwā; монг. kūrūged üžeged kelenei, калм. kūrād üzād kelnä „пришедши и увидевши, он и говорит“. В некоторых монгольских диалектах эта форма на -ād, -ād употребляется в сочетании с отрицанием ügei „не, без“, которое используется как отрицание только при именах, например: калм. bi üzād ügä „я этого еще не видел, не увидевши этого“, gaḡād ügä bān „он еще не отправился (еще не отправившись) в путь“¹⁴⁴.

Это же, весьма принятое в тюркском и монгольском, отглагольное образование имеется, пожалуй, и в тунг. иркаç, иркат „всё, все“ (ср. кор. obup, южно-кор. õp „всё, все вместе“ — причастие на -п от об- „собирать“, которому в тунгусском в силу фонетических закономерностей соответствует *ир-, *иь-); иркаç, диалектное иркат, должно быть, восходит к *ир-gaç „общий, собравшись“, а диалектное иркаli „всё“ — к ир-ka, т. е. является причастием на -gai с падежным окончанием -li и обозначает нечто вроде „чтобы собрать (чтобы сделать общим)“. Возможно, что и тунг. тунгС. (Василевич, Сл. I, 208) türkeç „через, сквозь“ представляет собой подобное же образование, кор. tij- „входить (внутри)“, ср. монг., бурят. tšige- „оказаться, подойти“, тюркск. tüz- „падать“¹⁴⁵.

Впрочем, в тунгусском языке, да и в корейском тоже, этот суффикс, кажется, неизвестен. По своему происхождению он, вероятно, представляет собой сложное образование, составившееся из двух элементов суффикса.